

Раньше У Ду ненавидел цветущие персики.

Что в них хорошего? Как бы пышно и густо они ни цвели, ослепляя своей яркой красотой, все это великолепие лишь подчеркивало его бедность. Он до сих пор помнил, как в тот год впервые спустился с гор в Цзянчжоу, чтобы найти своего шишу. Тот тогда жил под чужим покровительством, в роскошной усадьбе, где весь двор был засажен персиковыми деревьями — хозяин дома и его супруга обожали их.

У Ду едва исполнилось пятнадцать, и в тот день на нем был потрепанный холщовый халат мастера боевых искусств, хоть и чисто выстиранный, но давно выцветший. Он выглядел как бродячий уличный акробат, которого позвали в усадьбу потешить господ, или, в лучшем случае, как безработный учитель боевых искусств. Стоя под персиковыми деревьями, он сам чувствовал, как резко контрастирует с этой утонченной атмосферой. Время от времени доносились насмешки слуг.

— Твоего шишу нет в усадьбе, — сказал слуга. — Уходи.

— Куда он отправился? — спросил У Ду, все еще сохраняя тень приличия.

— Не знаю, проваливай! — слуга прогнал его. У Ду вышел за ворота, услышав вслед: «дикарь». У него не было другого выхода, кроме как усмирить свой пыл, выяснить, сколько у него денег, и отправиться к Сюн Чунь. Центральная равнина, возможно, и была ярмаркой соблазнов, но вся эта роскошь была для богатых, и жизнь здесь тоже вращалась вокруг них.

Один обед в ресторане стоил, как годовой запас еды У Ду. На пароме, плывущем на север, неравенство проявилось еще более остро. Денег у него не хватало даже на проезд — он заплатил половину, а остальное отработывал: днем помогал матросам с парусами, а ночью мыл посуду в трюме. Закончив, сел на корме, доставал флейту и играл «Радость встречи».

Жизнь в Зале Белого Тигра привила ему аскетизм. Жена учителя обучила его боевым искусствам, невероятному мастерству в медицине и ядах, даже тому, как принимать роды у женщин. Но вот как жить среди людей — этому его так и не научили.

К счастью, навык принимать роды все же пригодился. На корабле У Ду спас роженицу — мать и дочь остались живы, за что он в благодарность получил таэль серебра, так что теперь денег на дорогу у него было хоть отбавляй. По прибытии в Аннань он узнал, что Сюн Чунь работает в музыкальном заведении. К тому времени У Ду уже потратил все свои деньги. Летним вечером он стоял во дворе у колодца, ожидая Сюн Сунь. Вокруг толпились дворяне и придворные, пировавшие под звуки музыки, и купцы, сорившие деньгами.

Прохожие то и дело оглядывали У Ду. Когда к нему подошел привратник, чтобы спросить, кто он такой, У Ду с невозмутимым видом ответил:

— Я шиди госпожи Сюн Чунь.

— Шиди? Она сейчас занята. Или сам ищи где переночевать и приходи завтра, или жди. Сколько придется ждать, не знаю.

— Ладно, — У Ду за время странствий уже научился сдерживаться. Нельзя же поколотить привратника, да и кричать на него было ниже его достоинства. Он лишь резко поправил воротник и сел на краю ступеней.

Привратник заговорил снова:

— Не сиди здесь, найди другое место.

В душе У Ду klokотала ярость, но внешне он сохранял учтивость:

— А что не так с моей одеждой?

Он специально приобрел в Аннани темно-синий халат, надеясь, что уж он-то не вызовет пренебрежения. Как же он ошибался.

— Охранникам не положено находиться во внутреннем дворе, — терпеливо пояснил привратник.

У Ду сдержанно кивнул:

— Ладно, ладно.

Он встал, небрежно хлопнув привратника по плечу, и устроился в углу, развалившись на сиденье и закинув ногу на ногу.

Спустя время появилась Сюн Чунь. Ее лицо было мрачным.

— Если хотел передать мне сообщение, так передал бы, — сказала она. — Зачем травить привратника? Это заведение не мое. Неужели у ученика Зала Белого Тигра нет и капли достоинства, чтобы связываться с привратником?

У Ду, потягивая чай в боковой комнате, промолчал.

Спустя мгновение Сюн Чунь смягчилась и спросила:

— Жена учителя что-то велела передать?

— Нет. Когда я спустился с гор, мне некуда было идти, вот я и пришел к тебе.

Сюн Чунь вздохнула. Иногда ее шиди вызывал у нее смесь любви и ненависти.

— Ты пришел ко мне, чтобы найти работу?

— Не знаю. Решай ты, — бросил У Ду.

Сюн Чунь откинулась на резное ложе, не зная, как с ним говорить. Она имела четкое представление об этом шиди: жена их учителя растила его в одиночку и обучала боевым искусствам, к четырнадцати годам его мастерство достигло вершины просветления, а в ядах он был просто бесподобен. Он обладал двумя исключительными навыками, с которыми никто не мог сравниться. И вот такой человек пришел к ней — куда его пристроить?

— Чего ты хочешь? — наконец спросила она.

— Не знаю, — повторил У Ду, невозмутимо наливая себе чай из фарфорового чайника.

Сюн Чунь вздохнула:

— Лечить людей? У меня есть немного сбережений — откроем тебе приемную.

— Нет, — ответил У Ду. — Я приехал сюда не для того, чтобы стать врачом.

— Тогда порекомендую тебя в дом генерала Ханя учителем боевых искусств?

— Не желаю быть придворной обезьянкой, — отрезал У Ду.

Сюн Чунь на мгновение потеряла дар речи.

— Так чего же ты хочешь? — ее терпение было на исходе — этот парень горазд лишь на словах\*.

\* □□□□ высокие (гордые) глаза, низкие (плохие) руки (обр. хочется, да не может; метить высоко; брать на себя непосильные задачи; завышенные амбиции).

— Что положено делать ученику Зала Белого Тигра, то и буду делать, — произнес У Ду. — Поступлю так, как скажешь ты, шицзе.

— Сам-то хоть думал? Чем в наше время может заняться человек цзянху?

— Усмирять хаос... поддерживать мир на земле...

У Ду уже открыл рот, чтобы ответить, но Сюн Чунь опередила его:

— Ты правда думаешь, что нынешний мир такой, каким его описывала жена учителя? Убийцы — отбросы общества. Даже если захочешь убивать — не найдешь по всему свету столько жертв...

— Я не хочу убивать, — серьезно возразил У Ду. — Я спустился с гор с Легуанцзянем, исполняя волю Белого Тигра, чтобы...

— Чтобы служить императору и вершить великие деяния? — холодно перебила Сюн Чунь.

У Ду кивнул.

— Не хочу тебя расстраивать, но Сыну Неба центральной равнины уже век как не нужны люди цзянху.

— Придет время, когда он будет нуждаться в нас.

— Для тебя это время наступит не скоро. Ищи свой путь заработать на жизнь. Или... ты метишь в Верховные главнокомандующие?

— С положением нашей школы стать Верховным главнокомандующим в принципе возможно, но ведь для того, чтобы я вышел из уединения, император должен лично призвать меня?

— Ты... — Сюн Чунь задохнулась от гнева, а затем рассмеялась сквозь ярость. — Несбыточные мечты! За все эти годы разве двор хоть раз почтительно взглянул на нашего учителя?

Они вдвоем проболтали полдня, но в итоге все закончилось ссорой. Однако раз У Ду пришел к ней, Сюн Чунь не могла его выгнать. В итоге она поручила ему ухаживать за садом в Доме танца ласточек, где он и поселился. Она предлагала ему стать телохранителем, но он отказался. Хоть ее шиди и был видным юношей с благородной осанкой и острым взглядом, работать привратником — тоже не согласился.

Пришлось Сюн Чунь содержать его, но когда она посылала его с поручениями — тот отказывался. Иногда, заглядывая к нему, она заставляла его за чтением военных трактатов — казалось, лишь это его и интересовало.

Полгода спустя, когда война с Ляо обострилась, а Дом танца ласточек оказался на грани закрытия, Сюн Чунь собралась на север. Перед отъездом она пришла поговорить с У Ду.

У Ду, однако, торжественно вручил ей письмо на десять тысяч слов и спросил:

— Не сможешь передать это во дворец старику-императору?

Сюн Чунь хотела возразить, но, вздохнув, взяла письмо:

— Постараюсь.

Она прекрасно знала: вряд ли У Ду станет ее слушать.

Тем временем он уже собрал свои пожитки:

— Если император захочет найти меня, скажи, что я в Зале Белого Тигра.

— Ты уже возвращаешься? — нахмурилась Сюн Чунь.

— Ненадолго. Посмотрю, как там дела, и, может, снова спущусь. В горах никто не следит за порядком, поэтому кто-то должен время от времени за всем присматривать.

Попрощавшись с ней, он добавил:

— Прости, что навязался тебе — и потратил столько твоих денег.

Сюн Чунь хотела было остановить его, но, подумав, решила — пусть делает, что хочет. В эти беспокойные времена У Ду, казалось, никогда не терял связи с реальностью. Или, может, все остальные погрузились в мимолетный сон бытия, а ее шиди оставался единственным, кто не спал.

Вскоре беспорядки на центральной равнине обострились, и до Зала Белого Тигра дошли вести о том, что Ляо захватила земли Великой Чэнь. У Ду вынужден был спуститься с гор во второй раз — и обнаружил, что мир уже не тот, каким он знал его когда-то.

\*\*\*

— Жаль, что жена твоего учителя ушла из жизни, — сказал Чжао Куй.

— Говорят, перед смертью она оставила письмо, — ответил У Ду.

— Мне его не передавали. Не знаю, у кого оно. Ладно, найду время, чтобы помочь тебе разузнать.

У Ду молчал.

— Говорят, император делит мир с Залом Белого Тигра. Это правда? — вдруг спросил он.

— Да, — кратко ответил У Ду.

— Тогда почему ты не пошел служить императору?

— Император не удостоил меня внимания.

— Говорят, вы слушаетесь того, кто владеет Чжэньшаньхэ. Это так? — спокойно произнес Чжао Куй.

— Так, — подтвердил У Ду.

— Но этого меча у меня нет, — усмехнулся Чжао Куй. — Не занесешь ли ты клинок мне в спину?

— Нет. Белый Тигр заботится о мире. Если ты сможешь императору положить конец эпохе хаоса и спасти народ — я признаю тебя господином.

Чжао Куй хмыкнул:

— Ладно, юнец. Вижу, с тобой шутки плохи.

У Ду поднял взгляд. Его глаза по-прежнему были ясными, словно в них мерцал звездный свет.

— Убери меч в ножны, — сказал он.

Письмо, пролетев перед глазами, упало на землю. На нем виднелись всего две строчки:

«Я сдерживаю чувства и стремленья, хулу я отвергаю и позор. Живу, как мне велит мое ученье, — как мудрецы учили с давних пор. Свой путь не взвесил я, как говорится, остановлюсь — не возвратиться ль мне? Но вижу, выглянув из колесницы, что заблудился в дальней стороне»\*.

\* Отрывок из «Лисао» Цюй Юаня. Перевод: Гитович А.И.

— Убери меч, — спокойно произнес Ли Цзяньхун.

Легуанцзянь скользнул в ножны, и эхо гулом разнеслось по горам и рекам.

\*\*\*

Глубокой ночью шел ливень. У подножия гор бурные потоки собирались в реку, затопляя низины лагеря. Под шум дождя Ли Цзяньхун развернул бумагу и под пристальным взглядом У Ду начертил строки:

«Ты спрашиваешь о моем возвращении, но этот день еще не наступил; ливни на горе Ба затопили осенний пруд. Когда же мы вдвоем подрежем фитиль у западного окна, и поговорим о ночных дождях, что идут на горе Ба?».

— Принеси сургуч, — попросил Ли Цзяньхун. Разогрев сургуч на огне, У Ду молча подал его.

— Письмо моему сыну, — пояснил Ли Цзяньхун, заметив, как У Ду смотрит на пустой конверт.

— Он все еще в Шанцзине.

У Ду молчал, и Ли Цзяньхун продолжил:

— А в твоей жизни были те, о ком ты заботился?

— Нет, — ответил У Ду.

За те несколько дней, что они провели вместе, Ли Цзяньхун никогда не обращался с У Ду как с подчиненным. Он не отдавал приказов — и это совпадало с нравом У Ду. Разговоры между ними велись так, словно они были братьями по учению одной школы боевых искусств.

— Убийцам запрещено иметь привязанности, — вдруг произнес Ли Цзяньхун, — Например, Улохоу Му.

У Ду, держа в руках печать с горячим сургучом, приложил ее к письму, и Ли Цзяньхун добавил:

— Но ты не убийца. И не должен им оставаться.

— Верно, — согласился У Ду.

— Говорят, что, лишь очистив сердце от посторонних вещей, можно достичь вершины боевых искусств, будто бы мастер боевых искусств может стать мудрецом, только не имея никаких привязанностей, или избавившись от всех эмоций и желаний. Но, на мой взгляд, это совсем не так.

У Ду на мгновение задумался, аккуратно положил письмо и с серьезностью ответил:

— Не то чтобы я не желал привязанностей. Но с тех пор, как в пятнадцать лет спустился с гор, мое сердце ни к кому не тянулось.

Ли Цзяньхун едва заметно приподнял брови, бросив на него оценивающий взгляд.

— Редко, когда услышишь из твоих уст что-то искреннее, — холодно отметил Ли Цзяньхун. — Но без привязанностей, в одиночестве, как ты поймешь, что именно защищаешь?

У Ду прекрасно знал, что Ли Цзяньхун постоянно думал о наследном принце, томлящимся на крайнем севере.

— Те, кто заботится о ком-то, живут их тревогами; те же, кто свободен от забот, обретают покой в непривязанности, — ответил У Ду.

Ли Цзяньхун, к удивлению, рассмеялся:

— Когда-нибудь ты остепенишься и женишься. Кто-то будет называть тебя «мужем» или «господином», а кто-то — «отцом». И тогда в тебе проснется такая отвага, что ты будешь готов идти ради них даже сквозь огонь и воду.

— Я дал обет не заводить семью, — произнес У Ду.

Его брови едва заметно дрогнули.

— Тогда ступай, — сказал Ли Цзяньхун.

Но когда У Ду уже повернулся, чтобы уйти, Ли Цзяньхун задумчиво добавил:

— Не ради спасения империи, не ради славы или благ народа. Все эти причины — лишь пепел. Истина же — в тех, кто живет в твоём сердце.

У Ду не понимал, и, казалось, что он не поймет этого никогда.

\*\*\*

В центре вихря листьев под водопадом Ли Цзяньхун и У Ду, один из которых владел Чжэньшаньхэ, а другой — Легуанцзянем, упражнялись в фехтовании. Ли Цзяньхун сделал всего десять выпадов, но У Ду успел нанести лишь два ответных удара и едва не рухнул под его натиском. Он не мог не чувствовать себя полностью покоренным мастерством Ли Цзяньхуна.

— Твой стиль слишком сильно полагается на нападение и слишком слабо на защиту, — Ли Цзяньхун вложил меч в ножны и серьезно произнес. — Каждым ударом ты ставишь свою жизнь на кон. Поэтому и проигрываешь.

С тех пор, как У Ду покинул горы, он никогда не сталкивался с таким унижительным поражением. Ли Цзяньхун полностью разбил его уверенность, оставив лишь жгучую досаду.

— Что толку в словах? — раздраженно бросил У Ду. — Поражение есть поражение.

— Возьми свои слова обратно, — медленно произнес Ли Цзяньхун.

— Не могу, — У Ду с горечью покачал головой. — Я умею проигрывать.

— Со временем, — мимоходом сказал Ли Цзяньхун, — за твоей спиной появятся те, ради кого ты будешь сражаться. Тогда и возьмешь.

У Ду нахмурился.

— И тогда ты поймешь, — продолжил Ли Цзяньхун, — что дело не в умении проигрывать. Дело в том, что проиграть нельзя.

Одновременно вложив мечи в ножны, Ли Цзяньхун стоя лицом к У Ду, серьезно произнес:

— У Ду, пообещай мне одну вещь.

У Ду охватило зловещее предчувствие. Он тут же воскликнул:

— Ваше Величество, вы...

Ли Цзяньхун поднял руку, прервав его. Лево́й ладо́нью он совершил движение, будто подхватывая невидимую нить между пальцами, и легонько щелкнул в сторону У Ду. Тот в недоумении уставился на него.

— Эту нить я доверяю тебе, — Ли Цзяньхун обвел запястье У Ду, словно завязывая узел. — Это судьба моего сына, империи Великая Чэнь и всей центральной равнины. Если со мной что-то случится, защити его. Когда будешь обнажать меч, пусть он станет твоей опорой, как стал моей.

У Ду склонился в глубоком поклоне.

Луна, словно серебряный диск, висела над выстроившимися рядами войск, готовых выступить

на рассвете. У Ду стоял у шатра, вглядываясь в ее свет. Достав флейту, он заиграл «Радость встречи».

\*\*\*

В ночь Праздника Циси Шанцзин пал.

— Где он?! — У Ду ворвался в город. Повсюду царили хаос и разрушения. Он метался в поисках юноши, хватая за руки каждого встречного: — Ты... ты Дуань Лин?

Улица перед Калиновым двором была усеяна трупами. У Ду был ранен в плечо и, хромя, продвигался по улице, но вместо наследного принца он нашел тело Ли Цзяньхуна. Упав на колени, он издал отчаянный вопль, но предаваться скорби было некогда. Смахнув с лица дождь и кровь, он бросился во двор.

Рокот битвы словно стих вдали. Все силы У Ду, державшего в руках Чжэньшаньхэ, оказались напрасными; глаза его были пусты и полны недоумения. Он не смог ни спасти Ли Цзяньхуна, ни выполнить возложенное на него поручение. В тот миг все силы, что вели его доньне, покинули его, а вместе с ними ушли надежда, вера... и все мысли, что звали его начать все заново и жить под солнцем.

— А-а-а! — У Ду закричал, словно обезумев. Сжимая в руках Чжэньшаньхэ, он покинул Калиновый двор. Увидев монгольского солдата, он замахнулся и разрубил его. Он не знал, что делать — лишь как тень, блуждающая в пламени войны, стал орудием убийства.

Вскоре в переулке вокруг тела Ли Цзяньхуна стали скапливаться трупы. Когда подоспели солдаты Чэнь, У Ду бросил меч и рухнул на колени рядом с ним.

— Простите... Ваше Величество... — сказал У Ду, захлебываясь слезами. — Простите\*...

\* Все произошло не совсем так. Убийцы Хэлань Цзе забрали Чжэньшаньхэ, и его местонахождение стало второстепенной сюжетной линией. Когда У Ду пробился обратно в город, ему пришлось сражаться, чтобы отвоевать у монголов тело Ли Цзяньхуна. Все, что У Ду удалось вернуть в Сычуань, — это тело Ли Цзяньхуна и черные доспехи, в которые он был облачен.

\*\*\*

В Сычуани запоздало благоухала осень.

В тот вечер, когда У Ду узнал о возвращении наследного принца, его словно пронзила тысяча молний. Когда его вывели из камеры, он, услышав, как придворные шепчутся о прибытии наследного принца, не раздумывая, оттолкнул стражу и босиком помчался к императорскому

кабинету. У дверей толпились чиновники, и гул их взволнованных голосов наполнял зал. Стража преградила ему путь.

— Пропустите! — У Ду, тяжело дыша, рванулся вперед. — Уберите от меня руки!

У Ду, задыхаясь, вглядывался сквозь стражу в зал.

— Пропустите меня! У Ду просит аудиенции! Ваше Величество! У Ду просит аудиенции!

— Пусть войдет, — раздался спокойный голос Ли Яньцю.

Двери распахнулись, и У Ду, в потрепанной одежде, замер на пороге, встретившись взглядом с наследным принцем.

— Его зовут У Ду, — Ли Яньцю обратился к наследному принцу. — Он сопровождал твоего отца, когда он отправился в поход.

Наследный принц задрожал. Его глаза покраснели, а слезы, словно прорвав плотину, хлынули ручьями.

— Это вы, — У Ду внезапно вспомнил ту зиму и Цай Яня с пирожным из цветущей сливы, спрятанным в его халате. — Это вы... Я вспомнил! Мы встречались!

Атмосфера внезапно накалилась. Цай Янь сжал кулак, будто пытаясь ухватиться за что-то, его лицо пылало.

— Ваш отец оставил вас на мое попечение, — У Ду, вырвавшись из рук стражи, опустился на одно колено и поднял взгляд на Цай Яня. Шок и напряжение почти лишили его рассудка.

— Я подвел его... и подвел вас... всю свою жизнь я... — голос его дрожал. — Если Ваше Высочество не отвергнете меня, грешника... простите... я посвящу всю свою жизнь...

Лан Цзюнься бросил взгляд на У Ду, а затем с противоречивым выражением лица посмотрел на Цай Яня.

— Почему?! — сдавленно всхлипнув, проговорил Цай Янь. — Мой отец... он ведь...

У Ду, тяжело дыша, ответил:

— Это все моя вина, Ваше Высочество... Покойный император велел... если с ним что-то случится...

Словно потеряв рассудок, Цай Янь закричал во всю мощь своих легких:

— Я не хочу его видеть! Уведите его! Приговорите его к смерти! Он убил моего отца!

У Ду не успел договорить, как внезапно замер. Последний проблеск сознания угас в его глазах. Стражники, шагнув вперед, схватили его под руки и вновь поволокли прочь.

На этот раз У Ду не сопротивлялся. Его затащили обратно в камеру, словно бездыханное тело.

\*\*\*

В тюремной камере свет сменялся тьмой, оконце то белело, то чернело. У Ду чувствовал, как его душа на мгновение вернулась в тело, чтобы тут же покинуть его снова. Месяцы напролет он каялся в кошмарах и крови, как вдруг из тьмы прозвучал голос, неожиданно даровавший прощение — то самое прощение, которого он так отчаянно не желал.

Ноша, что была тяжелее тысячи цзинь, которую он годами нес на плечах, являлась доказательством его существования. Но теперь, лишившись ее, он ощутил пустоту и одиночество — будто у него отняли последнюю крупницу надежды, дававшую волю к жизни.

Му Куанда вошел в темницу и остановился у железной решетки, всматриваясь в У Ду.

— Твое желание исполнено, — произнес Му Куанда.

У Ду рассмеялся. Его смех нарастал, превращаясь в неистовый хохот, будто он глумился над собственной судьбой и абсурдностью шутки, что сыграла с ним судьба. Перед глазами внезапно возникли воспоминания — тот день, когда он впервые покинул Зал Белого Тигра и спустился с гор.

— Он ведь не сошел с ума? — с подозрением пробормотал Чан Люцзюнь.

— Он не безумен, — сказал Му Куанда. — У Ду, что ты теперь думаешь?

— Судьба играет с человеком злую шутку, — У Ду перестал смеяться, в его глазах застыла потерянность. — Мне давно следовало умереть.

— Не все так однозначно, — Му Куанда распахнул дверь камеры. — Выходи. Хорошая птица разборчива в деревьях — к чему вешаться на одном суку?

У Ду горько усмехнулся. Каждый раз, полируя в канцлерском поместье Легуанцзянь, он вспоминал слова Ли Цзяньхуна:

«И тогда ты поймешь, что дело не в умении проигрывать. Дело в том, что проиграть нельзя».

Но какое теперь значение имеют победы и поражения? Он думал, что ступил в полдневный свет, но спустя считанные дни вновь отступил в беспросветную ночь.

И он оставался там до тех пор, пока луч света с громким шумом не ворвался в его мир, заливая небо и землю ослепительной белизной.

«Но без привязанностей, в одиночестве, как ты поймешь, что именно защищаешь?»

— Шань-эр!

Седьмого Седьмого у ворот Тунгуань У Ду, прищпорив коня, рванул вперед. Лево́й рукой с кастетом он встретил сокрушительный удар двуручного меча приемом Меч царства.

«И тогда в тебе проснется такая отвага, что ты будешь готов идти ради них даже сквозь огонь и воду...»

— За мной! В атаку!

Седьмого Седьмого за стенами Е сигнальные огни, словно Серебряная река, прочертили небеса. У Ду во главе войска неся сквозь ливень огненных стрел. Его доспехи отражали золотистые вспышки, падающие с неба словно метеоры, пока он переправлялся через великую реку, отделяющую жизнь от смерти.

— За кого вы сражаетесь?

«Не ради спасения империи, не ради славы или благ народа. Все эти причины — лишь пепел. Истина же — в тех, кто живет в твоём сердце»

— Всю свою жизнь я не верил в волю небес, но теперь у меня нет другого выбора, кроме как это сделать.

Седьмого Седьмого, в императорской усыпальнице на горе Юйхэн одетый в черные доспехи У Ду распахнул двери гробницы, опираясь на Чжэньшаньхэ. Мириады звездных лучей осветили путь перед ним, и он поплыл сквозь ливень летящих стрел и мечей.

— Это мой... господин. — Дуань Лин улыбнулся, и в его глазах мелькнула нежность, которую он сам не осознавал. Но У Ду понял — и сердце его содрогнулось.

В кроваво-красном кленовом лесу Дуань Лин с узнаваемыми изгибами бровей и лучезарной

улыбкой неуверенно показывал приемы Ладони царства. Забыв движение, он смущенно потирал лоб, придумывал другое неуклюжее движение — и продолжал. Алые листья кружились в танце, то и дело скрывая его лицо. У Ду, дрожа, протянул руку, словно пытаюсь найти незримые нити судьбы, что колыхались у его запястья — тщетно стараясь что-то ухватить.

\*\*\*

Той ночью он впервые в жизни полюбил цветение персиков.

Замолкла флейта. В безмолвии ночи витали лепестки.

— Выбери место, какое пожелаешь — хоть край света, хоть морскую бездну. Где бы ни было — я последую за тобой...

Дуань Лин принял из рук У Ду браслет и, наклонившись, прильнул к его губам.

Весенний ветерок взметнул облака лепестков, пробудив спящие горы и наполнив жизнью пустоту ночи. За ночь мириады персиковых цветов пронеслись перед ликом Божества Белого Титра, вспыхивая ослепительным сиянием, чтобы превратиться в бесконечные, запутанные нити мирской суеты — где один конец вплетает в себя всю жизнь, а другой связывает судьбы

— на веки веков.

<http://bllate.org/book/15657/1400688>